

©

Канаев Е.А.
НИУ ВШЭ, ИМЭМО РАН
Демиденко С.В.
РАНХиГС

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ и БЛИЖНИЙ ВОСТОК: МОДЕЛИ МНОГОСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Сравнение различных интеграционных форматов, равно как характера многостороннего сотрудничества в различных регионах, уже долгое время является дискуссионным нарративом экспертов в области международных отношений. В последнее время его практическая значимость растет ввиду перспективы формирования в Евразии ряда мега-инициатив – Большого евразийского партнерства (БЕП), Инициативы пояса и пути (ИПП) и Индо-Тихоокеанского региона (ИТР).

Для компетентной и нюансированной оценки перспектив таких инициатив необходимо проанализировать степень готовности к этому отдельных регионов и субрегионов, географически относящихся к евразийскому и индо-тихоокеанскому пространствам. В данной статье будет проведен анализ готовности к этому Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока с точки зрения степени зрелости многосторонней дипломатии.

Юго-Восточная Азия: полвека «мелкой интеграции»

Юго-Восточная Азия представляет собой субрегион, многостороннее сотрудничество в котором эксперты образно определили как «мелкую интеграцию». Необходимо, впрочем, оговорить: характер многосторонних процессов в ЮВА отличается от классической интеграционной схемы ЗСТ – таможенный союз – общий рынок – экономический и валютный союз, а руководители государств азиатского юго-востока не планируют брать европейскую модель сотрудничества в качестве образца для подражания¹.

Избирательность сотрудничества как приоритет стран АСЕАН проявилось уже на первом этапе ее истории. В отно-

шениях между государствами «первой пятерки» политическое направление диалога заметно опережало экономическое. О нацеленности развивать последнее Ассоциация официально заявила лишь в 1987 году². Что касается отдельных экономических проектов, за которые бралась АСЕАН в 1970-е – 1980-е годы, то они осуществлялись «по остаточному принципу» и были подчинены приоритетам Ассоциации в сфере политики и безопасности.

В первые два десятилетия существования АСЕАН для налаживания экономического взаимодействия между входившими в нее государствами не было объективных предпосылок. Игнали роль различия в уровнях их экономического развития, большая зависимость от сотрудничества с внерегиональными партнерами и однотипная структура экспорта, благодаря чему асеановцы рассматривали друг друга в качестве конкурентов, а не партнеров. Попытки наладить сотрудничество в т.н. «функциональных областях», примерами чего служат Соглашение о формировании Зоны преференциальной торговли (1977 г.), Базовое соглашение по промышленным проектам АСЕАН (1978 г.) и создание Финансовой корпорации АСЕАН (1981 г.), ощутимо буксовал: асеановцы в большинстве своем были государствами, недавно освободившимися от колониальной зависимости, и придавали гипертрофированное значение суверенитету во всех его проявлениях, в том числе экономическому.

С другой стороны, Ассоциация была далека от единства и по вопросам политического сотрудничества. Это проявилось на примере первой международной инициативы АСЕАН – выдвижении идеи о создании в ЮВА зоны мира, свободы и нейтралитета (ЗОПФАН). Индонезия и Малайзия выступали за нейтрализацию ЮВА, в то время как Таиланд, Филиппины и Сингапур были против. Схожая палитра мнений характеризовала отношение ассоциированных государств в 1980-е годы к такому направлению сотрудничества, как формирование в ЮВА зоны, свободной от ядерного оружия. Не стоит забывать и о «сепаратном подходе» к урегулированию камбоджийской проблемы со стороны Индонезии и Малайзии, предложивших партнерам по Ассоциации т.н. «куантанскую формулу».

Вместе с тем, хотя Ассоциация и заслужила свою долю критики, нужно отдать должное ее гибкости и прагматизму. Уже на самых ранних этапах функционирования АСЕАН прослеживалась идея о ее расширении. В начале 1970-х годов перспектива поражения США во Вьетнамской войне подтолкнула «пятерку» не только не блокировать контакты с коммунистическим Вьетнамом, но и искать возможности сотрудничества с ним. В итоге уже в феврале 1973 г., через месяц после подписания Парижского мирного соглашения, главы МИД АСЕАН заявили, что в АСЕАН должны войти все государства ЮВА³, а в мае 1975 г., спустя месяц после захвата северовьетнамцами Сайгона, Ассоциация объявила о готовности к налаживанию сотрудничества с государствами Индокитая⁴. Гибкость Ассоциации проявилась и на примере урегулирования проблемы Камбоджи, когда в переговорах в Богоре и Хошимине в 1987 и 1988 годах она пошла на диалог с представителями СРВ и НРК, хотя до этого работала лишь с кхмерской оппозицией.

Со времени своего становления АСЕАН осознала: ее основное конкурентное преимущество состоит в том, чтобы предложить партнерам по диалогу проводить сотрудничество на подчеркнуто нейтральной, деидеологизированной основе и искать «общий знаменатель» со всеми его участниками. Выдвинув идею ЗОПФАН, ассоциированные государства смогли найти такие ее формулировки, которые устроили внешних игроков – США, СССР и КНР. Тот же подход был характерен для Ассоциации при урегулировании камбоджийской проблемы, когда Вашингтону и Пекину были предложены решения, которые не только не вызвали их противодействия, но и подтолкнули их делегировать АСЕАН инициативу по урегулированию кризиса.

К окончанию «холодной войны» АСЕАН подошла с осознанием, как оптимальным образом использовать имеющиеся у нее ресурсы, главным образом – понимание того, как выстраивать сотрудничество с внешними игроками при урегулировании кризисов малой и средней интенсивности. Этот навык немало помог Ассоциации в пост-биполярные годы, когда она решала задачу расширить свое влияние до уровня всего Азиатско-Тихоокеанского региона посредством формирования пло-

щадок многостороннего диалога по вопросам политики и безопасности. Образование АРФ – первого из таких переговорных форматов – ознаменовало собой начало создания т.н. «асеановского треугольника безопасности», который составили АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС. Его деятельность представляет собой мониторинг развития региональной среды усилиями Ассоциации и ее партнеров, подталкивая участников диалога по актуальным проблемам азиатско-тихоокеанской безопасности к компромиссным решениям. Однако для самой Ассоциации как координатора таких обсуждений это не стало стимулом двигаться по пути усиления политической интеграции, хотя бы на уровне выработки единой позиции по обсуждаемым проблемам.

Это проявилось на примере подхода АСЕАН к противоречиям вокруг Южно-Китайского моря. Начав переговоры о выработке Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море в конце 1990-х годов, ассоциированные государства долгое время не могли прийти к консенсусному решению относительно формулировок разрабатываемого документа. Вьетнам настаивал на включение в текст проекта положения о Парасельских островах как о спорной территории, в то время как другие участники считали это вопросом отношений не АСЕАН с Китаем, а исключительно вьетнамо-китайской двусторонней проблемой. Филиппины, рассчитывая на подключение США и ООН к урегулированию проблемы островов Спратли, а Малайзия, учитывая фактор китайской диаспоры, выступала за принцип добровольного выполнения взятых на себя обязательств. В результате положения Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море, подписанной Китаем и Ассоциацией в 2002 г., носят отчетливый прокитайский характер⁵.

Это и другие события подтолкнули Ассоциацию провести апгрейд своих перспективных планов, которые с 2003 г. стали концентрироваться вокруг формирования трех сообществ – Экономического сообщества, Сообщества в сфере политики и безопасности и Социокультурного сообщества. Развитие каждого из этих направлений подтверждает вывод о «мелкой интеграции» как долгосрочном тренде развития АСЕАН.

Экономическое сообщество АСЕАН было обусловлено стремлением Ассоциации повысить инвестиционную привлекательность ЮВА на фоне перетока иностранных инвестиций из ЮВА в Китай и Индию. Рост числа двусторонних соглашений о свободной торговле между отдельными странами АСЕАН и ее партнерами по диалогу тоже привносил в перспективные планы АСЕАН отчетливый разобщающий эффект.

Определив основные параметры ЭС АСЕАН – а это формирование единого рынка и единой производственной базы, повышение конкурентоспособности отдельных стран ЮВА, выравнивание уровней их экономического развития и интеграция ЮВА в мировые экономические процессы⁶, Ассоциация предсказуемо столкнулась с рядом сложностей. Эффект от снижения тарифов, фактически, нивелирован инфраструктурными разрывами. Оптимизация участия АСЕАН в глобальных производственных цепочках затруднена фактором ТНК, интересам которых отвечает сотрудничество отдельных стран ЮВА с внешними партнерами, а не асеановцев между собой. Отсутствует эффективный механизм разрешения коммерческих споров. Решить эти проблемы посредством наращивания сотрудничества внутри АСЕАН государствам азиатского юго-востока пока не удалось. Отсюда – обоснованные сомнения, что направления сотрудничества в Дорожной карте формирования Экономического сообщества АСЕАН до 2025 г., в частности, укрепление региональной взаимосвязанности и секторального сотрудничества или повышение глобального влияния АСЕАН, будут реализованы в полной мере. Дополнительным фактором выступает эскалация национализма, принявшего разные формы в различных странах АСЕАН: если Сингапур поддерживает торгово-инвестиционную либерализацию, то интересам Лаоса, Камбоджи и Мьянмы отвечает расширение инфраструктурного строительства при содействии партнеров по Ассоциации.

Разные приоритеты стран АСЕАН проявляются и на примере их взаимоотношений с партнерами в рамках других азиатско-тихоокеанских диалоговых площадок. Наиболее характерными примерами служат АТЭС и ВПТТП. В АТЭС участвуют семь государств ЮВА, а в ВПТТП – лишь четыре. Отсюда – перспектива раскоординации перспективных планов

различных стран «десятки» относительно характера и целей многостороннего сотрудничества, что отразится на развитии АСЕАН как международного актора.

Сообщество АСЕАН в сфере политики и безопасности нацелено на более высокий уровень координации действий стран «десятки» в соответствующих областях – причем, по линии как внутренней политики (поощрение развития стран АСЕАН в духе принципов демократии, верховенства закона и «хорошего управления»), так и отношений Ассоциации с партнерами по диалогу. Однако на пути реализации задуманного стоит немало сложностей. Прежде всего, это философия сотрудничества АСЕАН, в основе которого – гипертрофированное значение суверенитета во всех его проявлениях. Игрет роль и слабость институтов Ассоциации: у Генерального секретаря АСЕАН недостаточно полномочий, и эффективного механизма урегулирования конфликтов до сих пор не выработано. В общем и целом, у АСЕАН не хватает содержательных и институциональных ресурсов для формирования международной среды даже в Юго-Восточной Азии, в то время как процессы региональной и мировой политики приобретают все более конкурентный характер.

По линии формирования Социокультурного сообщества сверхзадача Ассоциации состоит в развитии человеческого потенциала, повышении уровня социальной защиты и формировании идентичности своих стран-участниц. Однако проблемы есть и тут. Например, до сих пор очень небольшое количество простых граждан ЮВА знает о том, что такое Сообщество АСЕАН, равно ее историю, что затрудняет формирование асеановской идентичности. В целом, Ассоциация была и остается организацией элит, а не простых граждан стран ЮВА, которые отождествляют себя со странами проживания, а не с АСЕАН как единым целым.

В перспективе центробежные тенденции в отношениях между странами АСЕАН могут получить дальнейшее развитие. Из факторов, способных этому содействовать, можно выделить три основных. Первый – мега-стратегия КНР Инициатива пояса и пути, имеющая не только собственно экономическое, но и политико-стратегическое измерение: за притоком китайских

инвестиций логично последуют требования Поднебесной об уступках по политическим вопросам, в подходе к которым Ассоциация не будет монолитна. Второй – проект Индо-Тихоокеанский регион, антикитайская составляющая которого очевидна, и который может быть использован Вьетнамом как один из инструментов сдерживания ВМФ НОАК в Южно-Китайском море. Третий представляет собой наступающую Четвертую промышленную революцию, которая поставит перед Ассоциацией вопрос о переосмыслении направлений, мер и механизмов реализации проектов экономического регионализма в отношениях как между собой, так и с партнерами по диалогу.

В общем и целом, характер современных процессов многостороннего сотрудничества в ЮВА свидетельствует: «мелкая интеграция», по всей вероятности, продолжится, и наращивание взаимодействия между ассоциированными государствами будет проходить медленно и избирательно. Соответственно, ожидать драматических прорывов в сотрудничестве АСЕАН с внешними партнерами, в том числе по линии реализации транс-континентальных мега-инициатив, оснований объективно не много.

Ближний Восток: регион без регионализма

В отличие от Юго-Восточной Азии, где многостороннее сотрудничество, несмотря на пробуксовки и попятные движения, все же функционирует, Ближний Восток представляет собой совершенно иную картину.

Основной тренд таков, что регион, равно как входящие в него страны, разрушаются. Во многом потому, что с 2014 г. ИГИЛ (запрещена в России), именующая себя «Халифатом», бросила вызов арабской государственности. Руководство этой экстремистской организации сформулировало собственную внешнеполитическую концепцию, заявив о непризнании современных границ ближневосточных государств. Границы эти, считают в ИГИЛ, были прочерчены колонизаторами для того, чтобы разделить мусульманскую умму, лишить ее единства и силы. Становым элементом несправедливой по отношению к мусульманам мандатной системы стали договоренности Сайкса

– Пико – Сазонова⁷. В результате будущие Сирия и Ливан отошли Франции, Палестина, Ирак и Трансиордания – Великобритании, Россия же, вышедшая из войны после революции 1917 г., не получила ничего. Продолжительное внешнее воздействие не могло не отразиться на специфике политического и экономического облика ближневосточного региона.

«Регион без регионализма» – так метко охарактеризовал политическую ситуацию в арабском мире Марко Пифани⁸. И это на сегодняшний день наиболее правильная характеристика. Однако наблюдается очевидный парадокс. С религиозно-исторической точки зрения предпосылок для превращения арабо-мусульманского сообщества в единое политическое или экономическое пространство было даже больше, чем у стран ЮВА.

Начнем с того, что исламская религия построена на принципах интернационализма. Весь мусульманский мир позиционируется как территория единства, возникающего на основе соблюдения жителями законов шариата (весьма широкое понятие, включающее в себя не только вопросы правового свойства, но и принципы организации общественной, социальной и повседневной жизни верующих, включая убеждения, нравственные ценности и религиозную совесть). Платформой данной системы являются так называемые «корни веры» - Усул ад-Дин.

Усул ад-Дин представляет собой набор из пяти догматов – единобожие, вера в божественную справедливость, признание пророческой миссии Мухаммада, вера в Судный день и воскресение, учение о халифате.

Из перечисленных выше элементов в контексте тематики многостороннего сотрудничества наибольший интерес представляет последний – халифат. Речь идет о некоем квазигосударственном глобальном объединении мусульман, возглавляемого главой общины, наместником Пророка (не Аллаха!). Период так называемого «арабского халифата» был временем наивысшего расцвета исламской религии, апофеозом ее исторической успешности. Арабский мир, в тех географических контурах, которые известны нам сегодня, сложился в период между VII и VIII веками н.э. В реальности он представлял со-

бой специфический вариант кочевого, экстенсивно развивающегося политического объединения, характерного для раннего средневековья. Иным был идеологический контекст: идеальный халифат должен был стать образцом для всего мира, государством всеобщей социальной и экономической гармонии.

Именно в этом контексте возникло специфическое восприятие мусульманами системы международных отношений, которое осуществлялось через призму так называемой «концепции трех земель» (автором ее традиционно считают основоположника ханифитского мазхаба Абу-Ханифу). Согласно этой концепции, весь мир делится на три территории, «земли». Дар Ал-Ислам – непосредственно мир ислама, там где царствуют законы шариата, Дар Ал-Харб – немусульманские страны, находящиеся в состоянии войны с «миром ислама», и Дар Ас-Сулх – «земля договора», население которой находится в мире с мусульманами и может исповедовать одну из монотеистических религий на условиях подчинения правоверным (уплата подушной подати – джизьи). Представление о мире, как об объекте приложения идеологических и военных усилий уммы, и о мире ислама, как о его ядре, определяли и определяют взгляды многих представителей мусульманской политической и богословской элиты. Так, основатель организации «Братья-мусульмане» Хассан Ахмед аль-Банна говорил: «Сущность ислама – доминировать, а не быть подчиненным, обратить в его законы все нации, и расширить его власть на всю планету!»⁹ Аль-Банне вторили все наиболее видные представители радикального ислама от Сейида Кутба¹⁰ до главы ИГИЛ Абу-Бакра Ал-Багдади¹¹. На этих же представлениях зиждились идеи арабских и мусульманских националистов-теоретиков – Джамала Ад-Дина ал-Афгани, Саллах ад-Дина Битара, Мишеля Афляка (последний – христианин), а также первых относительно успешных правителей – Гамалы Насера, Муаммара Каддафи, Хуари Бумедьена, Саддама Хусейна.

Объединиться, добиться за счет этого процветания, вернуться к истокам и показать путь спасения всей планете – это был главный идейный посыл большинства арабских мыслителей и политических деятелей. В 1958 г. даже была создана Объединенная арабская республика (ОАР) Египта и Сирии.

Однако далее процессы интеграции не продвинулись. Весьма быстро выяснилось, что кроме идеологии ближневосточные народы не связаны ничем осязаемым.

До определённого момента солидаризирующим фактором была антиколониальная, антиимпериалистическая борьба (и противостояние Израилю, которое рассматривалось как ее продолжение). Однако к началу 70-х и этот момент нивелировался почти полностью. Противоречия между самими арабами начали нарастать. Наилучшим образом о ситуации в регионе того времени отозвалась известная журналистка Марвайн Хау, которая в своей статье, посвященной египетско-ливийской войне 1977 г., написала: «Если арабы не воюют с Израилем, они будут воевать друг с другом»¹².

С конца 1990-х годов арабский мир, а за ним и значительная часть мира исламского, начали постепенно погружаться в политический хаос. Сразу после завершения в 1989 г. гражданской войны в Ливане, в Алжире произошел переворот. Следствием отстранения военными от власти победившего на муниципальных и парламентских выборах Исламского фронта спасения (ИФС) стал продолжительный и кровавый гражданский конфликт, жертвами которого стали более сотни тысяч человек¹³. Параллельно грянула первая война в Персидском заливе, когда агрессии Ирака подвергся Кувейт, поддерживавший до того Багдад в его противостоянии с Ираном деньгами и оружием¹⁴. Начало 2000-х годов принесло очередную волну эскалации. Американское вторжение в Афганистан и Ирак и последовавшая за ней череда политических событий, получивших название «Арабской весны», открыли новую страницу в истории хаотизации региона.

К концу 2018 г. Ближний Восток подошел раздираемый глубочайшими конфликтами – гражданская война в Сирии, характерной чертой которой в последние месяцы стала активизация курдской оппозиции, неутрачивающий кризис в Ираке, война в Йемене (вовлеченными в нее через некоторое время оказались Иран с одной стороны и арабская коалиция во главе с Саудовской Аравией и ОАЭ – с другой) и другие.

Следствием хаотизации стало экономическое остывание. Так, согласно статистике Всемирного банка, ВВП стран АТР в

разы превосходит ВВП государств Ближнего Востока и Северной Африки – 22,512 трлн долларов против 3,142 трлн долларов (данные на конец 2016 г.). При меньшем количестве населения (примерно 437 млн человек на Ближнем Востоке и в Северной Африке и примерно 3 млрд в АТР) душевой ВВП стран АТР превосходит аналогичный показатель стран Ближнего Востока: 9,858,681 доллар и 7,628,28 долларов соответственно (удивительно, но и по средней продолжительности жизни мусульманские страны Западной Азии отстают от государств Дальнего Востока – 75 лет и 73 года соответственно¹⁵).

Тотальные дезорганизация и отставание создали в регионе ситуацию противоположную глобальным трендам. В то время как весь развитый мир (включая АТР) объединяется, Западная Азия атомизируется. Фактически, на Ближнем Востоке нет ни одной реально функционирующей международной организации. Более или менее стабильными структурами являются лишь Лига арабских государств (ЛАГ), Союз арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и Организация исламского сотрудничества (ОИС, бывшая ОИК).

ОИС, не являясь региональной организацией в полном смысле этого слова, все же представляет собой площадку, в рамках которой государства Ближнего Востока могут обсуждать и продвигать некие общие инициативы (пока на уровне риторики). С целью поддержки этих инициатив в рамках ОИС с 1973 г. действует Исламский банк развития – ИБР (членом банка может стать только участник ОИС). ИБР финансирует проекты в инфраструктурной, образовательной и гуманитарной сферах, выделяет средства на улучшение качества здравоохранения и борьбу с нищетой, работает в направлении поддержки неправительственных организаций и т.д.¹⁶. Однако пока нельзя говорить об успешности банка и поддерживаемых им проектов. Согласно данным ведущих международных рейтингов, ИБР не входит даже в первую сотню наиболее успешных финансовых структур мира. Ключевые позиции здесь, как и во многих других сферах экономической деятельности, удерживают соседи арабов по региону – китайские банки¹⁷.

Что касается ЛАГ и ССАГПЗ, то эти организации, создававшиеся в свое время по чисто политическим соображениям

(одна в 1945 г. под эгидой Великобритании, вторая в 1981 г. при активном содействии Саудовской Аравии), сегодня превратились в инструмент международной политики Эр-Рияда.

Именно через ССАГПЗ и ЛАГ организовывались недружественные действия в отношении правительства Башара Асада¹⁸, в 2011 г. под эгидой Союза Залива было осуществлено подавление «шиитской весны» в Бахрейне. Позже участники организаций «благословили» вторжение в Йемен¹⁹.

Ретроспектива данных событий показывает, что все они носят исключительно антииранский характер и направлены на ослабление основных региональных союзников Тегерана – Сирии, религиозной оппозиции Бахрейна, йеменских хуситов. То есть фактически ССАГПЗ и ЛАГ, объединенные политической волей Саудовской Аравии, действуют не в пользу региональной интеграции, а во вред ей. Антагонизм между региональными державами нагнетается. Каждая из них желает не взаимодействия, а удовлетворения своих лидерских амбиций. Тяжелым спудом на объединительных перспективах мусульманских стран лежат в последнее время и саудовско-катарские противоречия (дипломатические отношения между двумя государствами разорваны еще летом 2017 г., позже к бойкоту эмирата присоединились и другие арабские страны). Желание одного государства доминировать над другими привело к углублению проблем региона в целом. И если пока ОАЭ, Бахрейн, Оман и т.д. еще следуют в фарватере политики Саудовской Аравии, которая в некотором смысле, является гарантом их военной безопасности, то сколь долго эта ситуация будет продолжаться мало кто не возьмётся прогнозировать. Как показал пример самой Дохи, терпение может иссякнуть в любой момент.

В связи с представленными выше факторами, дискуссии ближневосточных государств вокруг неких общих экономических проектов (таких, например, как создание единой валюты региона Персидского залива – халиджи), ведущиеся еще с начала 1980-х годов, не выходят за рамки риторики, являясь, скорее, фоном для агрессивных политических действий. Особого желания кооперироваться не просматривается ни у одного из региональных участников.

Если давать оценку экономической ситуации в арабском мире в целом, то можно сделать вывод об отсутствии здесь каких бы то ни было глубинных перспектив для формирования общего рынка и укрепления финансовых связей. Экономике государств Ближнего Востока существуют локально, а наиболее развитые из них основаны на эксплуатации недр. Соответственно, инвестируют они вырученные от торговли ресурсами средства либо в собственное развитие, либо в перспективные западные рынки. На соседей нет ни времени, ни средств. Да и выгоды особой не просматривается. Нефтегазовый сектор богатых арабских государств, являющийся драйвером их экономического роста, обслуживается достаточным и весьма незначительным количеством местных специалистов и экспатов. Другие же отрасли экономики, такие, например, как массовое производство высокотехнологичных товаров, отсутствуют в принципе. Соответственно нет потребности ни в переводе заводов и фабрик на новые территории, ни в большом количестве квалифицированной рабочей силы. В этих условиях богатый центр арабского мира не может стать двигателем развития всего региона, каким была в свое время Япония для стран Восточной Азии. Соответственно появления на Ближнем Востоке новых «тигров и драконов» в ближайшем и не очень будущем также не предвидится.

Нестабильность и отсутствие региональной хозяйственной кооперации приводят к углублению раскола по макроэкономическим показателям. На сегодняшний день имеются очевидные лидеры – Катар (душевой ВВП – 124500 долларов), ОАЭ (68600 долларов), Саудовская Аравия (54500 долларов), Оман (45000 долларов), середняки – Турция (27000 долларов), Иран (20100 долларов), Ливан (19600 долларов), Алжир (15200 долларов), Египет (12700 долларов), Иордания (12500 долларов) и бедняки - Марокко (8600), Сирия (2900 долларов), Йемен (2500 долларов)²⁰.

Такой «расклад сил» еще больше отдаляет ближневосточные государства друг от друга. Одновременно усиливаются центробежные процессы, катализатором которых, помимо экономических дисбалансов, является крайне сложный этноконфессиональный фон региона.

Исламская религия, при общем принципе стремления к объединению, разделена на множество конфессий. Здесь и сунниты различных мазхабов, и шииты со всеми их ответвлениями в виде исмаилитов и имамитов, и суфии Северной Африки, и друзы, и алавиты, и алииллахи, и йеменские зейдиты, и хариджиты-ибадиты Омана. В условиях отсутствия серьезной экономической интеграции раскол по признаку этноконфессиональному с течением времени не только не нивелировался, а лишь набрал дополнительную силу (апофеозом его стали «арабская весна» и гражданские войны в Сирии и Ираке, а также появление ИГИЛ, посягнувшего под сугубо идеологическими, религиозными предлогами на незыблемость границ суверенных государств). Нестабильность и экономическая сепаратизация привели к дезорганизации, внешнее воздействие – вторжение США в Ирак – к хаосу.

Не будучи скреплены внутри себя единым стремлением экономического роста и технологической успешности, многие ближневосточные государства сегодня либо оказались в кризисном-предкризисном состоянии (Ирак, Египет, Ливан), либо вообще перестали являться государствами (Йемен, Сирия, Ливия). И хотя в регионе имеется и несколько зон относительного спокойствия – Иран, Иордания, Алжир, Марокко (стабильность «средняя»), страны Персидского залива и Турция (стабильность «богатая»), но и они крайне зависимы от внешних факторов – инвестиций, торговли, прямой финансовой помощи.

В условиях постепенной девальвации государственных институтов и снижения авторитета правящих элит, которые не смогли справиться с вызовами глобального мира, набирают силу процессы разложения. Люди, теряя под своими ногами устойчивую почву цивилизационного существования, обращаются к традиционным регуляторам общественной жизни – клану, племени, религиозной группе. Таким образом формируется новая политическая реальность, в которой нет места интеграции, а перспектива видится только в преодолении очередного кризиса и подготовке к кризису последующему.

Таким образом, регион, находящийся в зоне влияния религии, основанной на принципах политического объединения, оказался в ситуации политического коллапса, и процессы реги-

онализации до сих пор остаются благим пожеланием, а не свершившимся фактом.

Выводы

Рассмотрение особенностей многостороннего сотрудничества в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке позволяет вынести ряд обобщающих оценок относительно перспектив мега-проектов на евразийском пространстве.

Во-первых, в рассматриваемых ареалах не сформированы прочные хозяйственные связи, воплотившиеся в производственно-сбытовые цепочки добавленной стоимости и институты сотрудничества. В ЮВА это просматривается в большей степени, чем на Ближнем Востоке, где такие обмены и институты полностью отсутствуют.

Во-вторых, не сложилось механизмов, позволяющих купировать негативные тенденции глобальной политики. Если ЮВА остается относительно изолированной от современной глобальной нестабильности, то Ближний Восток все отчетливее погружается в хаос. При этом уместно напомнить: реализация масштабных мега-проектов по определению носит длительный характер и требует поддержания международной стабильности на многие годы вперед как базового условия решения поставленных задач.

Сказанное выше объективно подталкивает научное сообщество к активизации транс-региональных исследований, нацеленных на выявление не только особенностей развития различных регионов, но и выстраивания сотрудничества между ними на устойчивой и долгосрочной основе. На взгляд авторов, обращение к тематике Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока может и должно играть в таком интеллектуальном нарративе одну из ключевых ролей.

---

¹ Malaysia: ASEAN will have a unified market, but rejects Eurozone model. Malay Mail Online. 24 January 2015. // <https://www.malaymail.com/s/826533/malaysia-asean-will-have-a-unified-market-but-rejects-eurozone-model>

² Manila Declaration Philippines. 15 December 1987. URL: // https://asean.org/?static_post=manila-declaration-philippines-15-december-1987

³ Joint Press Statement The ASEAN Foreign Ministers Meeting To Assess The Agreement On Ending The War And Restoring Peace In Vietnam And To Consider Its Implications For Southeast Asia Kuala Lumpur, 15 February 1973. URL: // http://asean.org/?static_post=joint-press-statement-the-asean-foreign-ministers-meeting-to-assess-the-agreement-on-ending-the-war-and-restoring-peace-in-vietnam-and-to-consider-its-implications-for-southeast-asia-kuala-lumpur-15-f

⁴ Joint Communique of The Eighth ASEAN Ministerial Meeting. Kuala Lumpur, 13-15 May 1975. URL: // http://asean.org/?static_post=joint-communique-of-the-eighth-asean-ministerial-meeting-kuala-lumpur-13-15-may-1975

⁵ Подробнее см.: Канаев Е.А. АСЕАН и кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море. Российский совет по международным делам. 10 января 2013. URL: // http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/asean-i-kodeks-povedeniya-storon-v-yuzhno-kitayskom-more/?sphrase_id=19158596

⁶ ASEAN Economic Community Blueprint. Jakarta: the ASEAN Secretariat, 2008. URL: // <https://asean.org/wp-content/uploads/archive/5187-10.pdf>

⁷ Dairieh M. My Journey Inside the Islamic State. 1 July. 2015. URL: // <https://news.vice.com/article/my-journey-inside-the-islamic-state>

⁸ Pinfari M. Regional Organizations in the Middle East. Oxford Handbooks Online. September 2016. URL: // <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935307.01.0001/oxfordhb-9780199935307-e-86>

⁹ Цит. по: Hoveyda F. The Broken Crescent: The "threat" of Militant Islamic Fundamentalism. Greenwood Publishing Group, 1998. P. 56.

¹⁰ Qutb S. Milestones. / Trans. by Al-Mehri. Birmingham: Maktabah Booksellers and Publishers, 2006. P. 23.

¹¹ Imamah is the Form of Millah of Ibrahim // Dabiq. The Return of Khilafah. 2014. Vol. 1. № 1. P. 20.

¹² Howe M. The Arabs Can't Seem to Stop Fighting // New York Times. 24 July 1977

¹³ Understanding Civil War. Vol. 1. Africa. Washington: the World Bank. 2005. P. 235.

https://books.google.ru/books?id=OnGQQVuIBjgC&pg=PA235&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false

¹⁴ См., например: Шахбазян Г.С. Экономические и социальные последствия для Ирака вооруженного конфликта с Ираном (1980 – 1988 гг.) // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. М., 1997. С.157.

¹⁵ The World Bank Data. URL: // <https://data.worldbank.org/region/east-asia-and-pacific?view=chart>

¹⁶ Islamic Development Bank. URL: // <https://www.isdb.org/what-we-do/sectors>

¹⁷ Top 100 Banks in the World. URL: // <https://www.relbanks.com/worlds-top-banks/assets>

¹⁸ Арабские страны обвинили власти Сирии в применении химоружия. РИА Новости. 7 сентября 2013. URL: // https://ria.ru/arab_riot/20130907/961533806.html

¹⁹ Arab League Voices Support for 'Legitimate' Yemen Gov't. Anadolu Agency. 14 August 2018. URL: // <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/arab-league-voices-support-for-legitimate-yemen-govt/1231326>

²⁰ The World Factbook. URL: // <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/>